

УДК 94 (47), «04/14»

ВОЕВОДА СВЕНЕЛЬД И КНЯЗЬЯ-РЮРИКОВИЧИ В ЛЕТОПИСЯХ

© 2024 М.Н. Батаев, А.С. Фогель

Самарский государственный экономический университет

Статья поступила в редакцию 10.03.2024

В статье рассматривается проблема взаимоотношений воеводы Свенельда и князей-Рюриковичей и его роль как в судьбах первых русских князей, так и Древней Руси в целом. Авторы анализируют историю Свенельда, воеводы-долгожителя, связанного со многими важнейшими событиями периода становления Киевской Руси, выявляют достоверность сложившейся «черной легенды Свенельда». Тема разрабатывается как в свете современных достижений исторического анализа, источниковедения и текстологии, так и в свете новых археологических данных.

Ключевые слова: Древняя Русь, Рюриковичи, Свенельд, князья, воевода, элита, летописание, восточные славяне, скандинавы, дружина, средневековый менталитет.

DOI: 10.37313/2658-4816-2024-6-2-5-13

EDN: IVKWOA

Древнерусский правящий княжеский род Рюриковичей - коллективный главный герой летописания. Во многом эти исторические произведения и создавались как апологетика правящего рода и доказательство его права на управление Русью¹. Именно им уделено основное внимание, и именно их деяния освещены настолько полно, насколько это возможно - ведь авторам летописей зачастую приходилось привлекать материал, отстоящий от их времени на двести или даже триста лет и сохранившийся только, видимо, в виде устных преданий. А народная память, из какой бы среды она не происходила, неизбежно носит весьма избирательный характер². И князья в этой позиции находятся в заведомо более выгодной ситуации - как наиболее заметные и активные герои, принимающие и, что главное, осуществляющие основные значимые для всего общества и государства решения.

Батаев Михаил Николаевич, аспирант кафедры истории и философии. E-mail: mikhail45@rambler.ru
Фогель Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии. E-mail: alexandr_fogel@inbox.ru

Но даже в этой ситуации находится место для описаний деяний и их соратников, хотя сведений о них неизбежно меньше и носят они достаточно отрывочный характер. К таким очень значимым соратникам, проделавшим путь от предводителя «бродячей дружины»³ до второго лица в государстве, и относится воевода Свенельд, политический и, видимо, просто долгожитель (если, конечно, в данном случае мы не имеем дело с объединением нескольких лиц в одно⁴), чья деятельность связана с правлениями Игоря Старого, княгини Ольги, князя Святослава Игоревича и междоусобицей Святославичей. Он появляется на страницах летописи в 940-х гг. и бесследно исчезает в 977 г.

При этом долгожительстве ни года его рождения (не говоря уже о числах и месяцах), ни года смерти, места рождения мы доподлинно не знаем, также как и происхождении. Обычно в нем видят варягскандинава исходя из имени⁵. Но даже если и так, то и с самим именем не все ясно, так как имя это, Sveinaldr, - значащее и обычно переводится как «повелевающий, управляющий юношами», то есть это, по сути,

означает «воспитатель» или же, исходя из специфики деятельности этого человека, как раз «воевода». Так что, возможно, мы имеем дело не с полноценным именем, а только с почетным прозвищем. Если все же рассматривать значение имени буквально, то у нас есть воевода по имени Воевода (напрашивается некоторая аналогия с князем Олегом Вещим, чье имя по сути и значит «вещий, святой, пророк»⁶). Дополнительно в летописи, как бы в подтверждение этого имени-прозвища, достаточно часто подчеркивается, что у него есть своя, отдельная от княжеской, дружина⁷. Причем именно эту функцию руководства дружиной он достаточно старательно и последовательно выполняет - даже месть за собственного сына Люта, убитого Олегом Святославичем, сводится им не к поединку (вполне приемлемый и допустимый для середины X в. вариант, возможно уже недопустимый ко времени написания летописей - конец XI-XII в.), а к полномасштабной войне и битве.

Так как летописи изначально писались по правлениям конкретных князей, то и деятельность Свенельда как не-князя распадается, по сути, на несколько ключевых эпизодов, между которыми могут случаться «пробелы» по несколько лет.

Он впервые появляется в летописях уже не просто взрослым, а военачальником и даже государственным деятелем с достаточно видным на Руси положением - ему передаются дани с древлян и уличей в 940-м и 942-м г.⁸ (больше подобных записей на тот период в летописях нет, так что мы, возможно, имеем дело с уникальным и даже экстраординарным случаем). То есть начала его пути мы тоже не знаем. Возможно, исходя из того, что в этих же статьях говорится о подчинении этих племен, эти дани ему передаются как награда за то, что именно он эти племена и подчинил (или же по крайней мере его участие в их подчинении было важным и значимым). Тем более что именно варяжско-скандинавские дружины в этот период выступают как основная ударная военная сила первых Рюриковичей⁹.

Исходя из летописного материала получается, что кроме дружины Свенельд не имеет какой-либо значимой поддержки среди родов и племен Древней Руси. Он видится всем наемником или же воином на княжеской службе, и вся его карьера в таком случае - плод только его действий и решений.

Вообще же Свенельд при Игоре (да и в более поздние времена) держится несколько наособицу - он не замечен (по крайней мере явно) среди тех, кто участвует в основных Игоревых мероприятиях. Нет его в обоих походах на Византию, нет его и среди той дружины, которая принимала участие в полюдье Игоря у древлян (получается, что уже к 945 г. Свенельд не владеет правом сбора древлянской дани, так как у древлян мы его не встречаем и вообще на сбор князем даней с древлян он никак не реагирует, так что, возможно, мы все же имеем здесь не случай передачи земли во что-то похожее на западноевропейский лен, как об этом говорили советские историки, а с разовой (годовой или даже несколькогодичной) акцией¹⁰).

Однако же летописец, хотя бы и косвенно, но указывает, что он сам предпринимает какие-то свои самостоятельные походы, из которых его воины возвращаются в таком богатстве, что вызывают зависть самой княжеской дружины¹¹ (при том, что эта самая дружина только недавно получила достаточно богатую дань из византийского похода), содержащейся, в принципе, гораздо лучше, чем частные.

Истолкований этой ситуации несколько. Часть исследователей считает, что Игорю пришлось большую часть дани отдать союзникам-печенегам, отчего его дружинники оказались обделенными¹², другие видят в свенельдовых воинах именно ту русь, которая захватила и около года удерживала город Бердаа - центр торговли в Закавказье¹³, причем вернулись они вот только что, в то время как византийская дань была уже около года назад, третьи вообще не рассматривают это «нази» игоревых дружинников как указание на реальную

экономическую ситуацию, а видят здесь традиционную эпическую перебранку воинов-дружинников¹⁴, уже не совсем понятную позднему летописцу.

Как бы то ни было, но все это говорит о том, что уже к этому времени Свенельд - достаточно популярный и значимый полководец, что в свою очередь характеризует его самого как щедрого предводителя. А щедрость в это время - одно из необходимых качеств вождя¹⁵. То есть мы можем предположить, что и дружина его совсем не маленькая. Одновременно Свенельд показан как удачливый предводитель, который не терпит сам по себе явных поражений и почти любую ситуацию может обратить к своей выгоде и выживает в любой ситуации. При этом, в отличие от Игоря, он всегда действует самостоятельно - не было случая, чтобы дружина управляла им - только наоборот. Выдвигалась даже версия, по которой богатство Свенельдовых отроков и «удача» их предводителя ставили под сомнение «удачу» Игоря и само его право княжить на Руси¹⁶.

И к этому же времени, как видим, относится начало формирования «черной легенды» Свенельда - если судить по летописи, то именно он в конечном итоге спровоцировал Игоря на несчастливый поход к древлянам и попытке взимания с них двойной дани, что и привело к его смерти. Так что Свенельд, пусть и косвенно, пусть и не сам лично, но оказывается виновен в гибели князя Игоря.

Правда, та же княгиня Ольга, вдова Игоря, как показывает логика дальнейших событий, не видела в нем виноватого. Он явно назван в числе предводителей войска Ольги, подавляющего восстание древлян. Причем если здесь все же можно говорить о некоем «табели о рангах», то он назван наряду с Асмудом, воспитателем юного Святослава¹⁷. Собственно, из всех подавлявших восстание мы знаем только Ольгу, Святослава, Асмуда и Свенельда. А воспитатели князей обычно рассматриваются исследователями как вторые лица во всем государстве и их ближайшие родственники¹⁸. Возможно, Асмуд про-

исходил из рода Ольги¹⁹. И тогда значение Свенельда возрастает еще больше.

Возможно даже, что поддержка Свенельда и его, скорее всего достаточно большой, дружины оказала решающее влияние на то, что именно Ольга, а не кто-то еще из Рюриковичей, занимает киевский престол²⁰. Правда, часть исследователей говорят о том, что Свенельд поддерживал Ольгу не саму по себе, а как мать законного сына Игоря Святослава. Но здесь ситуация представляется сложной, - Свенельд, судя по имеющимся у нас скудным сведениям, был достаточно уважаем (древлянские и уличские дани), но не являлся частью «ближнего круга» Игоря (иначе бы он был неизбежно назван в числе участников тех же самых войн с Византией). Одновременно до подвигов и побед самого Святослава было еще очень далеко. Возможно, что Свенельда поддерживал Святослава, а возможно, что с ним договаривалась лично Ольга. Тем более что кроме этого эпизода в дальнейших событиях, связанных с Ольгой, он также не замечен.

Про вероисповедание Свенельда у нас нет сведений принципиально. Скорее всего, как и большинство скандинавов, он был язычником, поэтому ему, возможно, были неинтересны попытки Ольги крестить Русь. А обустройство уже «замиренных территорий» также воеводу не интересовало.

Следующие эпизоды из жизни Свенельда связаны уже со Святославом и его походами на Византию. И здесь нужно заметить, что еще одним постоянным свойством Свенельда является то, что он именно воевода, а не герой, не совершает подвигов, как былинные богатыри, и не ищет себе славы или же смерти. Хотя одновременно именно он выступает предводителем раз за разом - и предводителем уважаемым, так что речь о трусости Свенельда тоже не может идти.

Также для него примечательно то, что, обладая достаточными военными и политическими возможностями, по крайней мере два раза за свою карьеру, он не становится ни киевским князем (после смерти Игоря и после смерти Святослава), ни даже князем

какой-либо конкретной земли или местности (как те же когда-то занявшие Киев варяги и «не-князья» Аскольд и Дир²¹ или же позже занявшие Полоцк и Туров варяги же Рогволод и Туры²²) и даже ни разу не пытался выступить как сколько-нибудь значимый конкурент для рода Рюриковичей. Он, если судить по летописи, вообще не занимается государственной деятельностью в полном смысле этого слова даже по средневековым понятиям: он не вершит суд, не управляет какими-либо территориями как наместник, не строит города, не участвует в создании системы погостов той же Ольги – он только предводительствует дружинами (правда, не будем забывать, что как раз дружина в это время выступает как государствообразующий организм, так что любая связанная с ней деятельность так или иначе – государственная²³) в войнах и вне этой деятельности не виден. Возможно, причиной такой политической пассивности была недостаточная знатность рода, а возможно, что таким он стал именно под пером летописца, стремящегося дать максимально «рюриковичецентричную картину», в которой не только сподвижники, но даже и «боковые ветви» рода были максимально задвинуты на задний план²⁴. Также возможен вариант, по которому одной из ключевых идей всей Повести временных лет была идея ограничить власть варягов на Руси²⁵, и в этой ситуации сверхаппетивный Свенельд вступал бы с ней в явное противоречие.

При этом в походе Святослава на Византию он отмечен уже как второе лицо после самого князя и именно его имя упоминается в договоре 971 г. с греками²⁶. Существует дискуссия, возможно ли отождествлять Свенельда со Сфенкелом (Сфангелом) византийских источников, но большинство исследователей все же склоняется к отрицанию подобных версий, основываясь на достаточно пожилom возрасте Свенельда²⁷.

Дополнительным косвенным подтверждением солидного возраста воеводы в это время является еще и то, что в этот период он начинает давать советы князьям. С од-

ной стороны, это указывает на его положение – советы может давать только близкий и важный человек, с другой стороны, советы подаются как мудрые, а мудрость возможна только у человека пожилого и опытного. То, что советы были мудрые, показывают дальнейшие события, в ходе которых Свенельд, сделавший именно так, как советовал Святославу, выжил и сохранил свою дружину, а сам князь Святослав погиб. Причем князь погиб героически, но потерял ту самую византийскую добычу, сохранением которой он был очень сильно обеспокоен. В каком-то смысле Святослава, как и Игоря, погубила жадность²⁸. Свенельд же, наоборот, проявляет в этой ситуации ум, удачливость и мудрость, также как и щедрость, свойственные истинным конунгам.²⁹ Если рассматривать эту смерть в рамках «черной легенды», то смерть князя в каком-то смысле последовала как своеобразное «наказание» за отказ от мудрого совета.

Свенельд выжил и дошел до Киева, но на помощь к Святославу с войсками его сына Ярополка не поспешил и за своего князя печенегам не мстил (что странно – мстить за своего князя – одна из главных обязанностей дружинника³⁰, да и во всех подобных случаях он в мести участвовал). Все это возвращает нас к «черной легенде» Свенельда, которая в этот момент разрастается и крепнет. Часть исследователей видят в Свенельде и Ярополке (или же в его окружении) предателей, прямо или косвенно способствовавших смерти князя Святослава (или даже ее прямо спровоцировавших)³¹. Так ли это было на самом деле и был ли Святослав настолько нежеланным как возвратившийся князь для того же Ярополка, нам неизвестно. Неизвестно даже, насколько политически активен на тот момент был Ярополк.

Но именно эти события способствовали тому, что Свенельд становится ближайшим воеводой и советником Ярополка и, возможно, даже регентом при молодом князе (по крайней мере так считается в летописании – истинных лет Ярополка и ситуации в Киеве тех лет мы не знаем). И это вершина карьеры Свенельда.

В этот момент оказывается, что Свенельд не только воевода, связанный только и исключительно с дружиной, а еще и семейный человек (хотя имя жены или жен мы не знаем), имеющий как минимум двух взрослых сыновей. И имена этих сыновей - Лют (возможно, что имя скандинавское, а возможно, славянское³²) и Мстиша (возможно, Мстислав, но в любом случае это славянское имя)³⁵. То есть как у Рюриковичей, исходно скандинавского рода, в третьем поколении появляются и в дальнейшем преобладают славянские имена, так и здесь – сам Свенельд считается скандинавом, а имена детей уже частично или же полностью славянские. То есть и здесь происходит растворение варягов в славянском окружении³⁴. А также мы должны заметить, что Свенельд получается одним из варягов, прочно осевших на Руси. При этом Мстиша, по летописным сведениям, получается человеком известным летописцу, причем в первую очередь известен именно он, а не Свенельд³⁵.

И последним сюжетом, напрямую связанным со Свенельдом, становится его участие в мести за убийство братом Ярополка Олегом Святославичем сына Свенельда Люта. Это одновременно и максимальный взлет воеводы – его частная история спровоцировала общегосударственную междоусобную войну, то есть если до этого он действовал в предложенных обстоятельствах, то теперь он во многом эти обстоятельства предопределял, но одновременно это и падение воеводы. После этого эпизода он отходит (или отстраняется) от участия в каких-либо делах, связанных с государством Рюриковичей.

Действия его здесь тоже показательны – он мстит за сына в государственном масштабе, ибо обидчик – князь, убивший его сына на охоте в Древлянской земле. Истолкований этого убийства несколько. Часть исследователей указывает на то, что Лют охотился, а это была княжеская привилегия, так что получалось, что Лют посягал на княжеские полномочия³⁶ или же на конкретно древлянские и уличские земли (старые дани

Свенельда). Правда, они были еще при Игоре и им же, видимо, отменены, но исследователи видят здесь то, что Лют решил воспользоваться удобным случаем, связанным с ослаблением власти). Часть исследователей видит в этом немотивированное вторжение «киевлян» в древлянские земли³⁷. И тогда Лют пострадал как своеобразный посланец Ярополка. Другие рассматривают ситуацию так, что важны не древлянские земли и не княжеское достоинство, а застарелая обида и жажда мести Олега за Святослава, которого предал Свенельд³⁸, то есть Лют погиб за грехи отцов.

В любом случае Свенельд лишился сына и жаждал мести. При этом Ярополк медлил еще два года (видимо, пытался решить конфликт дипломатическими методами?³⁹). Но затем все же выступил против древлянского князя, и войска под предводительством его и Свенельда разбивают войска Олега в открытом сражении. Деталей боя мы не знаем, но войска древлян бегут в свою столицу Овруч, и здесь, в ходе бегства, на мосту в город погибает князь Олег Святославич. Мечь свершилась, но одновременно формально в этой смерти никто не был виноват. Однако же очень характерна ситуация, что победивший Ярополк прикажет искать тело брата, а затем похоронит его и обратится к Свенельду со словами: «Этого ты хотел?» То есть сам Ярополк явно винил Свенельда во всем происшедшем и не хотел для Олега смертельного исхода. Ведь этот исход, кроме удовлетворения чувства мести Свенельда, делал его, а не Свенельда, по сути, убийцей брата. И в дальнейшем Владимир объявит целью уже своей войны против Ярополка мечь за Олега Святославича⁴⁰. Получается, что на какой-то (если судить по материалам летописей) момент мечь случайно или намеренно (что вероятнее) становится одним из движущих мотивов всей истории Древней Руси (особенно если вспомнить, что в дальнейшем Ярослав объявит целью своего похода на Киев Святослава Окаянного мечь за братьев Бориса и Глеба⁴¹), в чем можно увидеть явное про-

явление язычества и норм, неприемлемых для князей и христиан, по мысли летописца. Одновременно показательно еще и то, что Владимир мстит Ярополку, а о Свенельде даже не упоминает, что косвенно указывает на то, что ко времени начала войны Владимира и Ярополка - 978 год, Свенельда уже не было в живых.

И это все, что мы знаем об одном из известных и значимых людей середины X в., связанном с целыми четырьмя правлениями князей-Рюриковичей и смертями трех из этих князей. Если рассматривать события в рамках «черной легенды», то именно он в каком-то смысле спровоцировал смерть Игоря, способствовал смерти Святослава (предал или же просто не помог ему в трудную минуту) и прямо вынудил Ярополка идти войной на брата, то есть, пусть и с оговорками, но убил и Олега Святославича. Так ли это на самом деле или же нет, мы сказать не можем, но видим, что одновременно Свенельд никогда не покушался на княжескую власть и не проявляет себя как узурпатор, не мыслил себя без рода Рюриковичей и вообще князей на Руси. То есть, если судить по этим эпизодам, в летописи он выступает в роли своеобразного воплощения дружинного духа (случаи с Игоревыми дружинниками, случай со Святославом и восстанием древлян), мудрости (совет Святославу) и мстительности (месть за Люта).

Примечания

- ¹ Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. М.: 2007. С. 159.
- ² Мельникова Е.А. Устная историческая традиция в раннем историописании: «Повесть временных лет» и «Сага об Инглингах» // ВЕДС. М.: ИВИ РАН, 2003. С. 157.
- ³ Королев А.С. Святослав. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 47.
- ⁴ Гимон Т.В. Янь Вышатич и устные источники древнерусской начальной летописи // ДГВЕ 2011, М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. С. 96-98.
- ⁵ Свенельд. // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия под общей редакцией Е.А.

- Мельниковой и В.Я. Петрухина. М.: Ладомир, С. 721.
- ⁶ Перхавко В.Б., Пчелов Е.В., Сухарев Ю.В. Князья и княгини Русской земли IX -XVI вв. М.: 2002. С. 24.
- ⁷ Повесть временных лет. Текст и перевод. /под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч 1. М.: 1950. С. 236-237.
- ⁸ Артамонов М.И. Воевода Свенельд // Культура Древней Руси. Сборник, посв. 40-летию научной деятельности Н.Н. Воронина. М.: Наука, 1966. С. 30.
- ⁹ Хлевов А.А. Предвестники викингов. СПб.: 2002. С. 139.
- ¹⁰ Артамонов М.И. Указ. Соч. С. 30.
- ¹¹ Повесть временных лет. Текст и перевод /под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч 1. М.: 1950, С. 236
- ¹² Карпов А.Ю. Княгиня Ольга. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 70-71.
- ¹³ Артамонов М.И. Указ соч. С. 31.
- ¹⁴ Мельникова Е.А. Указ. соч. С. 163.
- ¹⁵ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. С. 14.
- ¹⁶ Пузанов В.В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2017. С. 228.
- ¹⁷ Карпов А.Ю. Указ. соч. С. 48.
- ¹⁸ Петрухин В.Я. О дохристианских истоках древнерусского княжеского культа // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию В.В. Топорова. М.: 1998. С. 885.
- ¹⁹ Карпов А.Ю. Указ. соч. С. 49
- ²⁰ Артамонов М.И. Указ. соч. С. 31.
- ²¹ Мельникова Е.А. Первые русские князья: о принципах реконструкции летописцем ранней истории Руси // ВЕДС М.: 2002. С. 145.
- ²² Кучкин В.А. Туров и Туровское княжество в X - XIII вв. // «Вертоград многоцветный»: сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М.: Индрик, 2018. С. 64.
- ²³ Котляр Н.Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX- I пол. X вв. // ДГВЕ 1992—1993. М.: 1993. С. 46-47.
- ²⁴ Пчелов Е.В. Рюрик. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 240.
- ²⁵ Петрухин В.Я. Древняя Русь: народ, князья, религия // Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 141.
- ²⁶ Артамонов М.И. Указ. соч. С. 33.
- ²⁷ Щавелев А.С. Две «карьер» функционеров раннего государства: воевода Свенельд и хев-

- динг Торольв Квельдильфссон //Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2013, № 4 (3). С. 73.
- ²⁸ Петрухин В.Я. Указ.соч. С. 253.
- ²⁹ Пузанов В.В. Качественные характеристики «великокняжеской» и «племенной» элиты в IX–X вв. в «Повести временных лет»: социальные образы и этнический фактор //Общественно-политическая мысль в России: традиции и новации. Т.1. Средневековая Русь: проблемы идентичности. Ижевск: изд-во:Удмуртский университет, 2007. С. 99.
- ³⁰ Пузанов В.В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2017. С. 339.
- ³¹ Королев А.С. Указ. соч. С. 251.
- ³² Лют Свенельдич //Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия под общей редакцией Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 472.
- ³³ Поппэ А.В. Родословная Мстиши Свенельдича //ЛХ, 1974, М.: 1974. С. 76.
- ³⁴ Горский А.А. Этнический состав и формирование этнического самосознания древнерусской знати //Социальная идентичность средневекового человека. М., 2007. С. 233.
- ³⁵ Гимон Т.В. Указ. соч. С. 98.
- ³⁶ Карпов А.Ю. Указ. соч. С. 83.
- ³⁷ Карпов А.Ю. Владимир Святой. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 79.
- ³⁸ Королев А.С. Святослав. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 257.
- ³⁹ Карпов А.Ю. Владимир Святой. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 79-81.
- ⁴⁰ Там же. С. 86-87.
- ⁴¹ Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. М.: Молодая гвардия. М., 2001. С. 68.
2007. 592 с.
5. Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия под общей редакцией Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. 992 с.
6. Карпов А.Ю. Владимир Святой. М.: Молодая гвардия, 2004. 454 с.
7. Карпов А.Ю. Княгиня Ольга. М.: Молодая гвардия, 2012. 376 с.
8. Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. М.: Молодая гвардия. 2001. 583 с.
9. Котляр Н.Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX- I пол. X вв. //ДГВЕ 1992—1993. М., 1993. С. 33-49.
10. Кучкин В.А. Туров и Туровское княжество в X - XIII вв.// «Вертоград многоцветный»: сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М.: Индрик, 2018. С. 64-72.
11. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 192 с.
12. Мельникова Е.А. Первые русские князья: о принципах реконструкции летописцем ранней истории Руси //ВЕДС М., 2002. С. 143-151.
13. Мельникова Е.А. Устная историческая традиция в раннем историописании: «Повесть временных лет» и «Сага об Инглингах» // ВЕДС. М.: ИВИ РАН, 2003. С. 156-162.
14. Мельникова Е.А. Устная традиция в ПВЛ: к вопросу о типах устных преданий //Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С. 153-165.
15. Перхавко В.Б., Пчелов Е.В., Сухарев Ю.В. Князья и княгини Русской земли IX -XVI вв. М., 2002. 476 с.
16. Петрухин В.Я. Древняя Русь: народ, князья, религия //Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 13-413.
17. Петрухин В.Я. О дохристианских истоках древнерусского княжеского культа // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию В.В. Топорова. М., 1998. С. 882-892.
18. Повесть временных лет. Текст и перевод. / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч 1. М, 1950. 407 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Артамонов М.И. Воевода Свенельд //Культура Древней Руси. Сборник, посв. 40-летию научной деятельности Н.Н. Воронина. М.: Наука, 1966. С. 30-35.
2. Гимон Т.В. Янь Вышатич и устные источники древнерусской начальной летописи //ДГВЕ 2011, М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. С. 65-117.
3. Горский А.А. Этнический состав и формирование этнического самосознания древнерусской знати //Социальная идентичность средневекового человека. М., 2007. С. 78-85.
4. Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. М.,

19. Поппэ А.В. Родословная Мстиши Свенельди-ча //ЛХ, 1974, М., 1974. С. 72-76.
20. Пузанов В.В. Качественные характеристики «великокняжеской» и «племенной» элиты в IX –X вв. в «Повести временных лет»: социальные образы и этнический фактор. //Общественно-политическая мысль в России: традиции и новации. Т.1. Средневековая Русь: проблемы идентичности. Ижевск, изд-во «Удмуртский университет», 2007. С. 91-107.
21. Пузанов В.В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2017. 752 с.
22. Пчелов Е.В. Рюрик. М.: Молодая гвардия, 2010. 316 с.
23. Хлезов А.А. Предвестники викингов. СПб., 2002 336 с.
24. Щавелев А.С. Две «карьер» функционеров раннего государства: воевода Свенельд и хевдинг Торольв Квельдальфссон //Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2013, №4 (3). С. 72-78.
9. Kotlyar N.F. On the social essence of the Ancient Russian state IX- I gender. X centuries //DGVE 1992-1993. Moscow: 1993. pp. 33-49.
10. Kuchkin V.A. Turov and the Turov Principality in the X - XIII centuries. //”Polychrome Vertograd”: a collection for the 80th anniversary of Boris Nikolaevich Flori. Moscow: Indrik, 2018. pp.64-72.
11. Litvina A.F., Uspensky F.B. Praise of generosity, skull bowl, golden luda... Russian Russian-Varangian cultural interaction contours. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2018. 192 p.
12. Melnikova E.A. The first Russian Princes: on the principles of reconstruction by the chronicler of the early history of Russia. //VEDS Moscow: 2002. pp. 143-151.
13. Melnikova E.A. Oral historical tradition in early historiography: “The Tale of bygone Years” and “The Saga of the Inglings”. //Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. Moscow: IVI RAS, 2003. pp. 156-162.
14. Melnikova E.A. Oral tradition in the PVL: on the question of types of oral traditions. //Eastern Europe in historical retrospect. Moscow: 1999. pp. 153-165.
15. Perkhavko V.B. Pchelov E.V. Sukharev Y.V. Princes and princesses of the Russian land of the IX –XVI centuries. Moscow: 2002. 476 p.
16. Petrukhin V.Ya. Ancient Rus: people, princes, religion. /Russian Russian Culture / From the history of Russian culture. Vol. 1. (Ancient Rus). Moscow: Languages of Russian culture, 2000. pp. 13-413.
17. Petrukhin V.Ya. About the pre-Christian origins of the ancient Russian princely cult. // POLYTROPON. To the 70th anniversary of V.V. Toporov. M., 1998. pp. 882-892.
18. The tale of bygone years. Text and translation. / edited by V.P. Adrianova-Peretz, Ch 1. Moscow: 1950. 407 p.
19. Poppe A.V. The pedigree of Mstisha Sveneldich. //LX, 1974, Moscow: 1974. pp. 72-76.
20. Puzanov V.V. Qualitative characteristics of the “grand ducal” and “tribal” elite in the IX –X centuries. in the “Tale of Bygone Years”: social images and ethnic factor. //Socio-political

REFERENCES

1. Artamonov M.I. Voevoda Sveneld. //Culture of Ancient Russia. Collection dedicated to the 40th anniversary of scientific activity of N.N. Voronin. Moscow,; Nauka, 1966. pp. 30-35.
2. Gimon T.V. Yan Vyshatich and oral sources of the Old Russian primary chronicle. //DGVE 2011, Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2013. pp. 65-117.
3. Gorsky A.A. Ethnic composition and formation of ethnic identity of the ancient Russian nobility. //Social identity of a medieval man. Moscow: 2007. pp. 78-85.
4. Dolgov V.V. Life and customs of Ancient Russia. Moscow: 2007. 592 p.
5. Ancient Russia in the medieval world. Encyclopedia under the general editorship of E.A. Melnikova and V.Ya. Petrukhin. Moscow: Ladomir, 2014. 992 p.
6. Karpov A.Y. Vladimir Svyatoy. Moscow: Molodaya gvardiya, 2004. 454 p.
7. Karpov A.Y. Princess Olga. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2012. 376 p.
8. Karpov A.Y. Yaroslav the Wise. Moscow: Molodaya

- thought in Russia: traditions and innovations. 2010. 316 p.
- Vol. 1. Medieval Russia: problems of identity. 23. *Khlevov A.A.* Harbingers of the Vikings. St. Petersburg: 2002 336 p.
- Izhevsk: Udmurt University, 2007. pp. 91-107.
21. *Puzanov V.V.* From the Ancient Slavs to Russia: the formation of the Ancient Russian state. St. Petersburg: "Oleg Abyshko Publishing House", 2017. 752 p.
24. *Shchavelev A.S.* Two "careers" of functionaries of the early state: Voivode Sveneld and Hevding Thorolf Kveldulfsson. //Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky, 2013, No.4 (3). pp. 72-78.
22. *Pchelov E.V.* Rurik., Moscow: Molodaya gvardiya,

VOIVODE SVENELD AND THE RUSSIAN PRINCES OF THE RURIK DYNASTY IN THE CHRONICLES

© 2024 M.N. Bataev, A.S. Fogel

Samara State University of Economics

The authors analyze the history of the long-lived voivode Sveneld, associated with many of the most important events during the formation of Kievan Rus, trying to determine how reliable the established "black legend about Sveneld" is. They focus on the problem of the relationship between the warlord Sveneld and the Rurikids princes and his role in the destinies of the first Russian princes and Ancient Russia as a whole. The authors sought to develop the topic both on the basis of modern achievements of historical analysis, source studies and textual criticism, and in the light of new archaeological data.

Keywords: Ancient Rus, Rurikids, Sveneld, princes, voivode, elite, chronicle, Eastern Slavs, Scandinavians, druzhina, medieval mentality.

DOI: 10.37313/2658-4816-2024-6-2-5-13

EDN: IVKWOA

Mikhail Bataev, Post-Graduate Student, Department of Philosophy and History. E-mail: mikhail45@rambler.ru
Alexander Fogel, Candidate of History, Associated Professor, Department of Philosophy and History. E-mail: alexandr_fogel@inbox.ru